

**ЯЗЫК ВРАЖДЫ В
МОГИЛЕВСКОЙ
ОБЛАСТИ. ВТОРОЙ
КВАРТАЛ 2017**

(мониторинг прессы)

Могилев, 2017

ВВЕДЕНИЕ

Информационно-аналитическая инициатива moloko, в которую вошли бывшие журналисты онлайн-журнала о Могилеве milkmag.by и могилевские правозащитники, представляет вашему вниманию мониторинг использования языка вражды в печатных СМИ и электронных источниках информации Могилевской области во втором квартале 2017 года (апрель, май и июнь).

Ранее мы [публиковали](#) обзор примеров использования языка вражды в регионе в 2016 году, а также в первом квартале 2017-го.

В данном мониторинге мы изучили семантические тактики, которые использовали источники массовой информации при освещении социальных, политических, культурных и иных тем. Особое внимание отводилось региональным печатным изданиям, в частности - из районных центров, которые предполагают определенное влияние на общественное мнение при помощи языковых маркеров и обозначенных тем.

В ходе мониторинга были исследованы материалы трех десятков изданий, которые были опубликованы в период с 1 апреля до 30 июня 2017 года.

Отметим, что использование языка вражды во втором квартале 2017 года, за исключением двух рассматриваемых случаев, в изучаемых СМИ и источниках информации, носило случайный характер. Использование агрессивных маркеров в отношении определенной группы людей в изучаемых изданиях подразумевает малой включенностью редакций в глобальный процесс изменения массмедиа и отсутствием опыта анализа и корректуры собственных материалов на предмет языка вражды согласно доступным методологиям.

Данный анализ прессы Могилевского региона является вторым этапом поквартального изучения случаев использования языка вражды в СМИ области. Мы ожидаем, что исследование откроет картину использования hate-speech на региональном уровне на примере недавних тем и событий, что представляет для нас особую ценность.

Как правило, язык вражды ищут в изданиях с наибольшим охватом подписчиков или посетителей сайта, справедливо опираясь на их популярность. Однако стоит отметить, что в условиях Республики Беларусь на локальном районном уровне практически не наблюдается конкуренция СМИ. Нередко для жителей районных центров и малых городов печатное издание местного исполнительного комитета является едва ли не главным источником

информации. Соответственно, уровень влияния у такой прессы выше, а вместе с ним, мы полагаем, и возможные последствия использования риторических и лексических приемов, ведущих к негативному восприятию человека или социальной группы на основании дискриминационных заявлений.

Наша цель - представить максимально объективную картину использования языка вражды в общественно-политических изданиях Могилевского региона.

Наши задачи - выделить основные группы, которые подвергаются воздействию отрицательных языковых приемов со стороны СМИ, определить, насколько рационально используется язык вражды для создания негативного образа людей и социальных групп, а также обратить внимание представителей СМИ на наиболее часто встречающиеся примеры использования языка вражды для последующего недопущения подобных ситуаций.

КАК МЫ ОПРЕДЕЛЯЕМ ПОНЯТИЕ «ЯЗЫК ВРАЖДЫ»?

Мы не нашли всеобъемлющее определение языка вражды, которое бы окончательно нас устроило, потому обратились к трудам профессионалов, чтобы в последствии вывести свое обозначение указанной дефиниции.

В Европейском союзе законодательной базой для выявления, предотвращения и пресечения языка вражды являются **Рекомендации Комитета министров Совета Европы N R(97) 20 1**, согласно которой *"язык вражды (hate speech) определяется как все формы самовыражения, которые включают распространение, провоцирование, стимулирование или оправдание расовой ненависти, ксенофобии, антисемитизма или других видов ненависти на основе нетерпимости, включая нетерпимость в виде агрессивного национализма или этноцентризма, дискриминации или враждебности в отношении меньшинств, мигрантов и лиц с эмигрантскими корнями"*. [Рекомендация N R (97) 20 Комитета министров Совета Европы "О вопросах разжигания ненависти" принята 30.10.1997 на 607-ом заседании представителей министров].

Как видим, в этом варианте определение делает упор на национальный и этнический аспект языка вражды и не упоминается, к примеру, сексизм, который занимает важное значение в первом определении.

В этом есть большая опасность дефиниции "язык вражды" - им можно определить как очевидные случаи речи ненависти, так и попытаться подвести под определение субъективные суждения автора, которые могут быть резкими,

но при этом не иметь под собой цель спровоцировать агрессию или негативные эмоции в сторону предмета статьи. И точно также можно назвать очевидный пример “языка вражды” не более чем актом выражения своего личного мнения, а попытку пресечь - нарушением свободы слова и выражения мнения.

Во многих случаях журналисты используют “язык вражды” неосознанно, без предумышленной попытки посеять рознь между этническими, социальными, политическими, сексуальными, гендерными и иными группами.

В своем мониторинге мы используем понятие “язык вражды” как комплекс языковых средств, которые прямо или косвенно негативно влияют на восприятие группы людей, объединенных по национальному, социальному, медицинскому, гендерному или иному признакам, либо же на дискредитацию человека на основании принадлежности к одной из вышеперечисленных групп, в том числе и неумышленную.

Для удобной классификации и обнаружения примеров языка вражды в материалах прессы мы также использовали классификацию А.М. Верховского из информационно-аналитического центра «СОВА».

Верховский разделил язык вражды на три группы: жесткий, средний и мягкий.

Для жесткого языка вражды по указанной методологии характерны прямые и непосредственные призывы к насилию; призывы к насилию с использованием общих лозунгов; прямые и непосредственные призывы к дискриминации; призывы к дискриминации в виде общих лозунгов; завуалированные призывы к насилию и дискриминации (к примеру, пропаганда положительного современного либо исторического опыта насилия или дискриминации).

Для среднего языка вражды характерны оправдание исторических случаев дискриминации и насилия; публикации и высказывания, подвергающие сомнению общепризнанные исторические факты насилия и дискриминации; утверждения об исторических преступлениях той или иной этнической (или иной) группы; указание на связь какой-либо социальной группы с отечественными и/или иностранными политическими и государственными структурами с целью ее дискредитации; утверждение о криминальности той или иной социальной группы; рассуждения о непропорциональном превосходстве какой-либо социальной группы в материальном достатке, представительстве во властных структурах и т.д.; обвинение в негативном влиянии какой-либо социальной группы на общество, государство; призывы не допустить закрепления в регионе (районе, городе и т.д.) определенных социальных групп.

Для мягкого языка вражды характерно создание негативного образа

социальной группы, упоминание названий социальной группы в уничижительном контексте, утверждение о неполноценности социальной группы, утверждение о моральных недостатках социальной группы, упоминание социальной группы или ее представителей как таковых в уничижительном или оскорбительном контексте (к примеру, в криминальной хронике; цитирование дискриминирующих высказываний или публикация подобного рода текстов без соответствующего комментария, определяющего размежевание между мнением интервьюируемого и позицией автора текста (журналиста); предоставление места в газете для явной пропаганды без редакционного комментария или иной полемики.

Также в ходе работы мы использовали элементы методологии и руководствовались результатами мониторинга прессы на наличие языка вражды, который проводила белорусская инициатива «Журналисты за толерантность».

В указанном мониторинге использования языка вражды в СМИ Могилевской области мы проверили 27 изданий, которые выпустили информационные продукты с апреля по июнь включительно. В отличие от первого квартала 2017 года, второй характеризовался отсутствием темы, которая бы могла стать триггером для создания негативных риторических конструкций, как например это было в марте, когда большинство газет и Интернет-сайтов перепечатали статью из «СБ. Беларусь Сегодня», посвященную протестам против Декрета президента Республики Беларусь №3 «О предупреждении социального иждивенчества», чем способствовали распространению языка ненависти в регионе.

Исследовательская работа, проведенная во втором квартале 2017 года позволила определить наиболее уязвимые признаки, по которым происходит формирование негативных контекстных конструкций – в первую очередь это язык вражды по социальным признакам, гендеру, здоровью и этносу.

Схожесть информационной политики газет районных центров, а также уровень городских и областных изданий позволяет избежать четкого разделения СМИ региона на те, кто использует язык вражды и те, которые избегают такой информационной политики. Исключением представляется разве что газета «Вечерний Могилев», однако в данном случае мы имеем дело с принципиальной позицией руководства издания, которая опровергает принципы толерантной журналистики, выставляя субъективную позицию в максимально уничижительной для некоторых социальных групп форме.

ЯЗЫК ВРАЖДЫ ПО СОЦИАЛЬНОМУ ПРИЗНАКУ

Достаточно жесткая риторика наблюдается в газете «Радзіма» из Глуска (25 мая). В материале “Если в доме скандалы” автора Ольги Чучвал рассказывается о проблемах, которые связаны с бытовым насилием и алкогольной зависимостью людей. Журналист использует сниженную лексику для обозначения указанной категории людей – слова “бомж”, “пьяницы”, “дебоширы”. Корреспондент газеты рассказывает о нескольких героях, которых объединяет по единому принципу – это люди с алкогольной зависимостью, которые были уличены в совершении административных правонарушений:

“Кто же они, скандалисты, пьяницы, дебоширы, а в общем — семейные тираны? Это потерявшие контроль над своим поведением, а то и вовсе всякий стыд и срам мужчины и женщины разных возрастов — от 28 лет до 61 года... Был на комиссии и «герой дня», который пятый раз едет «отдыхать» в ЛТП. Таким людям уже, наверное, не помогут ни советы профилактики, ни ЛТП”.

Нужно отметить два момента. В материале автор представляет ситуацию, в которой существуют люди, которых условно можно отнести к категории “нормальных” – это она и члены советы общественного пункта охраны правопорядка, и люди, которых, согласно контекста, можно отнести к другому, более низкому классу. Этическая дилемма выглядит таким образом, что помимо наказания в виде штрафов или арестов, герои материала должны ещё вынести общественное порицание в виде газетного материала, который подан субъективно и практически не отражает позиции указанных персонажей. Кроме того, есть сомнения в том, что обозначенные герои материала смогут высказать свою позицию на страницах газеты, будет ли им предоставлена такая возможность в случае необходимости.

Также обращает внимание на себя то, как автор судит героев – “Таким людям уже, наверное, не помогут ни советы профилактики, ни ЛТП”. Очевидно, что журналистка не может владеть информацией о будущем человека и строит свою мысль на предположении, которое превращает, по сути, всю жизнь обозначенного персонажа в формальность, поскольку ему “уже, наверное, не помогут ни советы профилактики, ни ЛТП”. Предположение, выстроенное на основании учета предыдущих собраний совета ОПОП влияет на восприятие читателем человеческого достоинства героев материала.

Между тем, алкогольная зависимость и сопутствующие ей характеристики поведения признаны заболеванием и имеют свой код в Международной классификации болезней (F10.2).

Автор, однако, игнорирует данный факт и, помимо насильственных действий людей из описываемой категории, причисляет к правонарушению сам факт злоупотребления алкоголем, что является оценочным суждением, поскольку за употребление спиртосодержащих напитков ответственности в белорусском законодательстве нет.

Следующий пример неаккуратного использования словесных конструкций в отношении социальной группы граждан касается безработных. В материале «Асіповіцкага края» «*Сацыяльнае ўтрыманства – работа працягваецца*» (29 мая) журналист Дмитрий Саврицкий берет интервью у начальника управления по труду, занятости и социальной защите осиповичского райисполкома Тамары Бурак. В ходе разговора автор позволяет себе вопрос так называемого «закрытого типа» - подразумевающий ответы либо «да», либо «нет». Звучит он так: «Калі чалавек доўгі час нідзе не працуе, ён абавязкова пераўтвараецца ў люмпена-маргінала?».

Насколько объективным и непредвзятым будет ответ, который уже заложен в вопросе и по смыслу может рассматриваться как оскорбляющий человеческое достоинство по социальному признаку – наличию работы?

Ответ «Да» подразумевает, что человек, не имевший официальной трудовой деятельности на протяжении долгого времени превращается в «люмпена» (термин введен философом Карлом Марксом как обозначение низших слоев пролетариата) и «маргинала» (человек, оказавшийся вне своей социальной среды; опустившийся, изгой).

Ответ «Нет», при этом также имеет негативный оттенок – нетрудоустроенный человек может не стать «люмпеном-маргиналом», а может и стать.

Кроме того, не указано временное значение слов «доўгі час». Исходя из вопроса, можно предположить, что человек, который потерял на неделю работу, теоретически может рассматриваться как возможный «маргинал» и «люмпен».

Таким образом создается негативная характеристика для многочисленной социальной группы людей, не имеющих постоянного места работы. Вряд ли это можно считать случайностью – журналист мог задать вопрос с похожим смыслом, но в другой формулировке, однако выбрал именно такой подход.

Следующее высказывание, которое можно расценить как проявление языка вражды, позволила себе интервьюируемая:

«Яшчэ адзін тыповы варыянт — спецыяліст з вышэйшай адукацыяй катэгарычна не згаджаецца заняць рабочую вакансію. І ўзровень прапановуемых заробкаў не мае прынцыповага значэння. Маладыя людзі лічаць за лепшае сядзець на шыі ў бацькоў, каб толькі не нанесці “страты” свайму сацыяльнаму статусу».

Использование конструкции «маладыя людзі лічаць» несет оценочный характер, не подкрепленное ссылками на факты. Респондент использует для ответа на вопросы ярлыки, которые могут в последующем послужить основой для стереотипов. Чиновница объединяет разных людей одной формулировкой, в которой четко прослеживается негативное значение, хотя очевидно, что у каждого своя жизненная ситуация и такое неосторожное обращение районного представителя власти со словами может быть травматичным для отдельно взятых людей и группы в целом.

Тема, которую можно условно обозначить как «реакция на Декрет №3» послужила ярким маркером того, насколько неаккуратно может действовать с лексическими и семантическими конструкциями местная пресса. Особенно в этом отношении отличилась областная газета «Вечерний Могилев». Один из материалов, который появился на страницах издания, вызвал громкую полемику в белорусском обществе.

Так, в середине апреля вышел текст *«Какой нам нужен декрет о тунеядстве»*, подписанный *«военным юристом в отставке Виктором Кондратьевым»* (**Вечерний Могилев, 19 апреля**).

Автор призвал к расправе над «тунеядцами и бичами», буквально написав, что условного *«могилевского бича Федю»*, который разбил окно и «хотел совершить пятнадцатую кражу» — *«по-хорошему, надо расстрелять»*. Автор отметил, что таких в стране очень много, *«что свидетельствует о проблемах с генофондом»*. Напоследок Виктор Кондратьев понадеялся, *«что ещё будет принят такой декрет о тунеядстве, который направит этот сброд в резервации и заставит их работать там до пенсии»*.

Помимо использования крайне жесткого языка ненависти в виде слов «бич», «сброд» и других, автор фактически выразил свое мнение таким образом, что его можно воспринять как призыв к ограничению фундаментальных прав человека для определенной социальной группы — права на жизнь (*«надо расстрелять»*) и права на свободу от рабства (*«направить этот сброд в резервации и заставить их работать там до пенсии»*).

Помимо очевидного использования языка вражды, есть предположение, что была нарушена статья 38 «Закона о СМИ», в которой говорится о запрете в прессе информации, направленной на пропаганду насилия и жестокости.

Реакция Интернет-сообщества на текст была бурной, многие СМИ осудили (http://udf.by/news/main_news/155669-vecherniy-mogilev-predlagaet-rasstrelivat-tuneyadcev.html) статью. Газета решила защитить автора и его идеи, в результате чего выдала материал схожей риторической направленности – *«Ничто не мешает взять бомжа к себе, отмыть его, откормить» 18 мая.*

Автор Виктория Карпова целенаправленно использует семантическую тактику, которая призвана унижить оппонентов материала Виктора Кондратьева.

Фразу про *«расстрел бичей»* «Вечерний Могилев» назвал вырванной из контекста, объяснив это тем, что замысел *«заключается в том, что на Федю не действуют никакие виды наказаний, предусмотренные Уголовным кодексом, за исключением высшей меры».*

В данном случае очевидно использование приёма обобщения – автор оперирует не конкретными данными в отношении определенных людей, а общими посылами. Факты подменяются стереотипами. При этом автор не только унижает человеческое достоинство категории людей с низким достатком и без определенного места жительства, но и фактически безальтернативно признает бесполезность существующей в стране системы исполнения наказаний – ничто не может повлиять на человека, кроме как расстрел.

Автор представляет идею, как безапелляционную, не требующую подтверждения, поскольку она заключает «правду» сама в себе.

По сравнению с Виктором Кондратьевым, журналистка Виктория Карпова позволила себе ещё более резкие заявления:

«Человек, будучи судимый еще со времен БССР, влечит свое жалкое существование по зонам. Но если в советский период он чувствовал железную руку закона, отбывая как рецидивист «червонец» где-нибудь в Коми АССР и зарабатывая себе питание на лесоповале...И таких, как Федя, действительно много, достаточно пообщаться с могилевскими оперативниками. Так что же так взволновало наших «свядомых», обрушившихся через оппозиционные сайты на газету «Вечерний Могилев»?

«...Представители «пятой колонны» очень обостренно реагируют на любые предложения по модернизации декрета о тунеядстве.... Даже если предложения эти разумные, т.е. подсказанные самой жизнью — направить сброд в резервации и заставить его там работать до пенсии».

«...Злая сатира и гротеск по достоинству были оценены только нашими постоянными читателями, чего никак не скажешь про пользователей оппозиционных сайтов. К слову, настоящий пороссячий визг по поводу публикации поднялся не только в виртуальном пространстве...».

В конце материала автор Виктория Карпова заявила, что ей «*претят всякого рода демарши, забастовки и потасовки наших тунеядцев-оппозиционеров*». Она хочет ходить «*по улицам мирным, спокойным*».

«А кого отправлять в трудовые лагеря, я, думаю, наша власть в ближайшее время разберется. Для этого у нее есть все возможности», — заключает журналистка.

Текст является одним из самых ярких примеров hate-speech среди всех изданий области за 2016-2017 год.

Помимо употребления словесных конструкций сниженного лексического значения («*влачит свое жалкое существование по зонам*»), в материале также используются выражения, которые можно прямо назвать оскорбляющими человеческое достоинство, в том числе по политическим признакам. Виктория Карпова маркировала часть общества, которая негативно откликнулась на материал Виктора Кондратьева, как «*свядомых*», «*пятую колонну*», поднимающую «*пороссячий визг*». Таким образом, газета фактически отказывает критикам в праве на рефлексии и обратную реакцию на материал.

Кроме того, автор ретранслирует идею Виктора Кондратьева о направлении определенной части социума в резервации, чтобы люди работали там до пенсии. Это, как указывалось выше, можно расценивать как жесткий призыв к отказу от универсального права человека на свободу от рабства, закрепленного как в Конституции Республики Беларусь, так и в Международном пакте о гражданских и политических правах.

Впрочем, несмотря на ненавистническую риторику по отношению к оппонентам, «Вечерний Могилев» позже удалил статью Виктора Кондратьева с сайта, чем фактически признал свою неправоту. Правда газета это сделала

без официальных извинений и информации – на сайте издания материал просто исчез.

Следующий пример языка вражды также относится к газете «Вечерний Могилев» и своим предметом имеет категорию людей не с отсутствием работы, а как раз наоборот.

В материале **«Профессиональная деформация» (5 июня)** корреспондент под псевдонимом Полина Малинина описала две истории правонарушений со стороны бывших сотрудников внутренних дел. При этом в начале текста журналистка указала на то, что *«долгие годы по одной специальности неизбежно деформируют личность. Особенно это сказывается на сотрудниках правоохранительных органов. Постоянное общение с криминальным элементом, морально разложившимися и деградировавшими членами нашего общества накладывает отпечаток на характер, который портится и становится невыносимым для окружающих»*.

Принимая во внимание указанную цитату автора, читатель может сформировать мнение о сотрудниках милиции не просто как совокупности личностей, а как о категории деформированных людей, которые «невыносимы» для окружающих. При этом вычленение лиц данной профессии в негативном свете ведет к формированию отрицательного образа профессии сотрудника правоохранительных органов. Безусловно ложным является утверждение, что все милиционеры «невыносимы для окружающих». В обозначенном материале речь ведется только о двух представителях органов внутренних дел, в то время как в СМИ хватает и положительных откликов о морально-нравственном состоянии людей данной профессии.

Среди остальных маркеров, которые стигматизировали ту или иную часть социума в местной прессе во втором квартале 2017 года можно отметить возрастную.

В материале «Молодость – пора надежд...» газеты **«Савецкая вёска» (Дрибин) (23 июня)** можно обнаружить наличие мягкой формы языка вражды по возрастному признаку. Текст посвящен трудовой жизни двух молодых специалистов, которые работают на одной из агропредприятий района.

В материале встречается конструкция, которая отождествляет молодой возраст с инфантильностью – *«Молодость... Прекрасное время, когда все вокруг видишь в розовом цвете и находишься в полной уверенности, что так*

будет всегда; что жизнь всегда будет наполнена множеством ярких и важных событий, что впереди большая дорога, на которой ждет только хорошее...».

Указанный отрывок является ярким примером навешивания ярлыков, ретрансляцию устойчивого стереотипа «молодость=инфантильное восприятие мира», хотя безусловно процесс рефлексии происходящих вокруг фактов и явлений у каждого молодого человека будет проходить по-своему. Обобщение упрощает работу для журналиста, представляя обеих героинь материала как набор выбранных корреспондентом клише. В тексте они существуют только в избранном автором образе. Мы не видим истинного характера девушек, таким образом, нам не хватает данных для репрезентативного суждения о них, кроме той информации, которую преподносит журналист.

В этом же тексте используется ещё одно выражение, деклассирующее профессиональный статус героинь на основании возраста:

«Местные животноводы к девушкам относятся по-отечески: что с них взять, молодежь...».

Основанием для сниженных ожиданий в трудовом плане может быть неопытность, однако напрямую в тексте это не говорится. Наоборот, контекст представляется таковым, будто на основании одного лишь возраста девушки не могут выполнять тот же объем работы, либо выполнять объемы работы также качественно, как их старшие по возрасту коллеги. Хотя возраст, особенно в указанный исторический отрезок, когда информация и обучение становятся все доступнее, может рассматриваться только как второстепенный маркер умений и профессионализма.

ЯЗЫК ВРАЖДЫ ПО ПРИЗНАКУ ЗДОРОВЬЯ

Одной из причин для использования дискриминационных выражений может быть дееспособность человека или заболевание. Многие СМИ игнорируют базовые аспекты этики, в частности, использование выражения «человек\люди с инвалидностью» вместо слова «инвалид». Более мягкой формой языка вражды является выражение «люди с ограниченными возможностями».

Согласно справочному изданию Офиса по правам людей с инвалидностью “*Этикет инвалидности. Советы и пожелания*”, наиболее подходящим является определение «люди с инвалидностью», в котором на первом месте стоит именно человек, а уж потом — его достаточно конкретно определяемое качество

ограниченности в связи с институциональными барьерами, барьерами в отношении или окружающей обстановке, препятствующими участию в жизни общества”. Термин “инвалид”, по мнению представителей офиса, *“традиционно используется и в обиходе, и в определении особого статуса человека. И в этом кроется определённая уязвимость использования этого термина, за которым теряется видение человека как личности”*.

Согласно «Этикету инвалидности», *«многие люди с инвалидностью не любят жаргонные, эвфемистические термины, такие, как «физически ослабленный» и «с ограниченными возможностями»*.

В материале газеты «Приднепровская Нива» «Фонду «Голубые берега» - 15 лет!» (7 апреля) журналистка Александра Орлова использует как раз одну из таких форм. Стоит отметить полное отсутствие выражения «инвалид».

Учитывая специфику темы и то, как непросто заменить синонимом указанную лексическую единицу, использование фразы *«с ограниченными возможностями»* выглядит как шаг вперед по сравнению с другими СМИ, однако все равно вызывает негативные ассоциации.

До сих пор слаборазрешимой представляется проблема употребления в материалах медицинских терминов. Например как в тексте «Государственная адресная социальная помощь» в глусской газете «Радзіма». Материал представляет собой переработку официального документа, в котором используются понятия «инвалид n-ой группы», «дети-инвалиды» и тому подобные. Использование выражений, которые негативизируют уровень возможностей обозначенной группы людей в официальных документах ограничивает журналистов в выборе лексических средств и не позволяет избежать языка вражды там, где это было бы возможно.

Совсем другая ситуация прослеживается в газете «Вечерний Могилев». Слово «инвалид» в материалах издания во втором квартале 2017 года является едва ли не безальтернативным и уж точно основным понятием, обозначающим людей с инвалидностью.

Так, в заголовке заметки **«Онлайн консультации для инвалидов с нарушением слуха» (18 апреля)** по смыслу дважды подчеркивается недуг обозначенной категории людей – мало того, что они *«инвалиды»*, у них ещё и *«нарушение слуха»*. Логичным видится замена слова «инвалиды» на слово «люди». Таким образом смягчается риторика текста, на первое место выносятся персона, а не её заболевание.

Ещё один материал служит примером диссонанса между идеей статьи и лексическими средствами, которыми эта идея преподносится читателю. В статье **«Я довольна всем, что у меня есть. Чего нет – добьюсь сама!» (6 апреля)** рассказывается история женщины с инвалидностью, которая смогла достичь

успехов как в семейной жизни, так и в сфере спортивных танцев. При этом в материале, где контекстуально на первом месте должен стоять человек, несколько раз используется лексема «инвалид». Логично предположить, что все сложности героиня материала преодолевает как раз потому, что она в первую очередь личность, персона, а не потому, что у неё инвалидность.

ВЫВОДЫ

Подводя итоги проделанной работы, можно выделить несколько выводов, к которым пришла исследовательская группа при изучении языка вражды в СМИ Могилевского региона во втором квартале 2017 года.

Язык вражды носит немассовый и, за редким исключением, не жесткий характер. Главным проявлением hate-speech в прессе является воспроизведение устоявшихся социальных и этнических стереотипов, а также навешивание ярлыков, что является, на наш взгляд, результатом отсутствия базовых теоретических знаний и практики в отношении распознавания языка вражды.

При этом нельзя недооценивать роль материалов, содержащих язык вражды, особенно на районном уровне. Данный мониторинг продемонстрировал, что одним из источников hate-speech могут выступать представители государственных институтов и силовых ведомств, что можно расценивать как проявление негативной политики государства по отношению к уязвимым социальным группам. Это может привести к ненужному росту социальной напряженности и разжиганию конфликтов на социальной и межнациональной почве.

Обращает на себя внимание тот факт, что язык вражды практически не встречался во втором квартале 2017 года в областных изданиях- «Могилевские ведомости», «Могилевская правда» и «Днепровская неделя» в построении своих материалов использовали нейтральную лексику, тексты с риторическими конструкциями, которые были бы направлены на дегуманизацию социальных, гендерных, этнических и иных групп.

Это может быть опасным прецедентом массового единовременного использования языка вражды по отношению к политическим оппонентам действующей власти, что ведет к дегуманизации средств массовой информации и может быть использовано для разжигания конфликта

Для улучшения ситуации, информационно-аналитическая группа moloko предлагает редакциям, которые допускают использование hate-speech, обратить внимание на следующий вспомогательный материал:

- [Брошюра Восточно-Европейском сети общественных миротворческих](#)

организаций ВЕСОМО «Толерантная журналистика».

• Брошюра «Гендерный ликбез»/ Минченя Е. Сасункевич О. - Вильнюс: Белорусский дом прав человека, 2013 – 224 с.

• Пособие для журналистов «На пути к социально-ответственным СМИ: преодоление языка вражды и развитие гражданских медиа» - Симферополь: Центр «Интеграция и развитие», 2011 – 84 с.

• Сборник статей «Язык вражды против общества»/ сост. Верховский А. – Москва: Центр «Сова», 2007 – 259 с.

• Хрестоматия «Психология национальной нетерпимости»/ Чернявская Ю. – Минск: изд. «Харвест», 1998.

Контакты для обратной связи:

Почта mspring.online@gmail.com

ВКонтакте vk.com/mspring.online

Facebook fb.com/mspring.online